УДК 81-116.6, 811.511.1
DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-19-35

Аргументные и адъюнктные целевые клаузы в горномарийском языке

Д. М. Рахман

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Аннотация

Производится общее описание системы целевых клауз в горномарийском языке. Выделяются две основные целевые конструкции – инфинитивная и императивная клауза. Помимо этих конструкций, часть носителей также допускает использование перфекта и непрошедшего времени в придаточных цели. В статье рассматривается взаимодействие этих конструкций с различными целевыми союзами *štobə̑* и *manə̑n*, а также вопросы контроля нулевого субъекта инфинитивных целевых клауз. В рамках стандартного (минималистского) генеративного подхода показывается, что инфинитивные целевые клаузы в горномарийском языке могут быть разделены на аргументные, т. е. присоединяющиеся в позиции комплемента глагольной группы (узла, сестринского по отношению к глагольной вершине V), и адъюнктные, присоединяющиеся в позиции адъюнкта VP (verbal phrase). Такое структурное разграничение позволяет объяснить возможность контроля нулевого субъекта придаточной клаузы непрямым объектом главной, а также прямым объектом при некоторых матричных предикатах. При этом данная аналитическая концептуализация сближает наблюдаемое противопоставление с принципом разделения английских целевых конструкций на Purpose clauses и Rationale clauses, введенное в работе R. A. Faraci (1974). Наряду с этой структурной параллелью, особенности синтаксиса инфинитивных целевых клауз в горномарийском представляют интерес и с точки зрения обсуждения различных теоретических взглядов на структуру дитранзитивных глаголов. Так, среди основных существующих подходов наблюдаемые в горномарийском явления может объяснить только подход, предложенный в работе L. Pylkkänen (2008). Согласно этому подходу, в некоторых языках непрямой объект дитранзитивного глагола и, в том числе, матричной клаузы, за которой следует целевая конструкция, присоединяется в процессе деривации как спецификатор особой, так называемой высокой, аппликативной вершины. Мы стремимся доказать, что горномарийские дитранзитивные глаголы устроены именно так.

Ключевые слова

финно-угорские языки, целевые клаузы, нулевой субъект, контроль, дитранзитивные глаголы

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ при поддержке научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике НИУ ВШЭ в 2020 году

Для цитирования

Рахман Д. М. Аргументные и адъюнктные целевые клаузы в горномарийском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 19–35. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-19-35

© Д. М. Рахман, 2021

Argument and Adjunct Purpose Constructions in Hill Mari

Denis M. Rakhman

HSE University
Moscow, Russian Federation

Abstract

In this study the author suggests a new systemic model of purpose constructions in Hill Mari – a Finno-Ugric language, spoken by approximately 30 000 people living mostly in Mari El Republic, located in Volga river basin. (Here and thereafter (if the opposite is not stated overtly) the term "purpose clause" or "purpose construction" is used in its traditional wide sense and should not be confused with "Purpose clauses" opposed to "Rationale clauses" in R. A. Faraci's terms (1974).) There are two core strategies of marking the embedded predicate which can be used in contexts denoting purpose in Hill Mari. Firstly, an imperative form can be used. This option is reserved for different-subjects contexts. Secondly, an embedded predicate can be marked as infinitive. Notably, such a clause allows for its subject to be expressed overtly, in which case it is marked by Dative. Typically, though, the subject of an infinitival purposive clause is omitted and obligatorily controlled by a certain argument of a matrix clause. Finally, there are two peripheral constructions – those of perfect tense and non-past tense. Both are quite marginal and not universally accepted.

This study also discusses the interaction between aforementioned strategies and purpose complementizers (conjunctions) *štobə̂* (borrowed from Russian) and *manə̂n*. However, what constitutes the main theoretical concern of this study are certain peculiar traits of the subordinate null subject's behavior. The paper adopts a standard generative approach (within Chomsky's minimalist program) and argues that Hill Mari purpose constructions can be divided into two groups, namely, argument ones, occupying the position of VP complement, and adjunct ones, which are attached as VP adjuncts. This structural distinction can account for the indirect object control, which is possible in all cases, and direct object control, which is only allowed in case of certain matrix predicates. Such an analysis links Hill Mari purpose construction's distinction to the Purpose/Rationale clauses distinction proposed for English in R. A. Faraci (1974).

Finally, Hill Mari infinitival purpose clauses' specific traits can potentially provide certain insights for the general theory of ditransitive constructions. Thus, among the main current approaches only that developed by L. Pylkkänen (2008) can account for the facts observed in Hill Mari. L. Pylkkänen argues that in some languages double objects constructions can be derived via "high" applicative head, taking VP as its complement and indirect object as its specifier. Our study argues that this is also likely to be the case in Hill Mari.

Keywords

Finno-Ugric languages, purpose clauses, null subject, control, ditransitive constructions, double object constructions

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). It was also supported by Formal Linguistics Laboratory, HSE, Moscow

For citation

Rakhman, Denis M. Argument and Adjunct Purpose Constructions in Hill Mari. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 19–35. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-19-35

Введение

Горномарийский язык относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи. Его носителями являются около 30 000 человек, по большей части проживающих в горномарийском районе Республики Марий Эл. В настоящее время горномарийский язык находится в тесном контакте с русским, что приводит к заимствованиям из русского на всех уровнях языка.

Настоящее исследование посвящено синтаксису придаточных клауз со значением логической цели (далее целевые клаузы, ЦК) в горномарийском языке типа

(1) ***ər-äš*** ***manə̂n*** *mən'* *plaš-əm* *č-iš* [1]
согреться PURP я плащ-ACC надеть-PRF.1SG
Буквальный перевод (БП) [2]: 'Согреться чтоб(ы), я плащ надел'.
Смысловой перевод (СП): 'Я надел плащ, чтобы согреться'.

Перед тем как перейти непосредственно к исследованию целевых клауз, необходимо описать в общих чертах аспекты горномарийской грамматики, релевантные для понимания исследуемой синтаксической конструкции. Горномарийский язык – язык номинативно-аккузативного строя с преимущественно зависимостным маркированием и базовым порядком слов SOV. Падежная система включает в себя номинатив (не имеющий, впрочем, поверхностного выражения), генитив, датив, аккузатив и ряд косвенных – преимущественно пространственных – падежей [Саваткова, 2002]. Его временная система представлена одним непрошедшим и двумя прошедшими временами: перфектом и аористом. В отношении горномарийского языка данные термины введены в [Голосов, Козлов, 2016], в которой изучается тот же горномарийский говор, что и в настоящей статье. В ней показано, что аорист может использоваться только при условии смежности времени ассерции (т. е. времени события, о котором сообщает говорящий) и позиции наблюдателя, тогда как перфект не накладывает каких-либо дополнительных ограничений на семантику выражаемого им прошедшего времени.

В горномарийском языке также наличествует императивное / оптативное наклонение, совместимое со всеми лично-числовыми формами, кроме формы 1 л. ед. ч. Глагол в императиве согласуется с субъектом. В различных зависимых контекстах могут быть использованы как перечисленные выше финитные клаузы, так и разнообразные нефинитные формы.

Система целевых клауз горномарийского языка представляется интересным объектом для исследования по нескольким причинам. Во-первых, как будет показано далее, она достаточно разнообразна в плане возможных форм предиката зависимой клаузы. Под влиянием некоторых синтаксических факторов, а также особенностей идиолекта конкретного носителя горномарийского языка, им может выбираться одна из четырех форм зависимого глагола: инфинитив, оптатив, форма перфекта или форма непрошедшего времени. Во-вторых, инфинитивные целевые клаузы (ИЦК) демонстрируют некоторые неординарные с теоретической точки зрения особенности выражения субъекта, которые и являются основным объектом данного исследования.

1. Система целевых клауз горномарийского языка

Как было упомянуто во введении, придаточное цели в горномарийском языке может быть оформлено с помощью одной из четырех синтаксических стратегий. В первую очередь это императивная (2) и инфинитивная (3) клаузы.

(2) [*olma-vlä* *kenvaz-äštə̂* *manə̂n*]
яблоко-PL упасть-IMP.3PL PURP
tə̂də̂ *olmavu-m* *ərz-a*
он яблоня-ACC трясти-NPST.3[SG]
БП: 'Яблоки пусть упадут чтобы, он яблоню трясет'.
СП: 'Он яблоню трясет, чтобы яблоки упали'.

[1] Все языковые примеры были получены при помощи методов суждений о грамматичности стимулов и элицитации от носителей языка, проживающих в селах Микряково и Сосновка, в ходе экспедиций, организованных филологическим факультетом МГУ им. Ломоносова и Школой лингвистики НИУ ВШЭ в 2016–2018 гг.

[2] Строка буквального перевода имеет своей целью схематично передать средствами русского языка логику построения того или иного горномарийского высказывания. Подробнее см.: [Firth, 1956].

(3) [*nənə-län* *susu* *li-äš* *manə̂n*]
[те-DAT радостный быть-INF PURP]
mən' *šukə̂* *təmen-ä-m*
БП: ‘Им радостными быть чтобы, я много учусь’.
СП: ‘Чтобы они (родители) радовались, я много учусь’.

Помимо этих конструкций, младшее поколение носителей (до 20 лет) допускает употребление перфекта в целевых контекстах (4), а некоторые носители старшего поколения (55 лет и более) – формы непрошедшего времени (5).

(4) *mən'* *vas'a-lan* *oksa-m* *pu-en'-äm*
я Вася-DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
[*štobə̂* *tədə* *paj-ə̂m* *näl-ən*]
чтобы он мясо-ACC купить-PRF[3SG]
БП: ‘Я Васе деньги дал, чтобы он мясо купил’.
СП: ‘Я дал Васе деньги, чтобы он купил мясо’.

(5) *mən'* *ke-e-m* *xala-škə̂*
я ехать-NPST-1SG город-ILL
kino-m *anž-e-m* *manə̂n*
кино-ACC смотреть-NPST-1SG PURP
БП: ‘Я еду в город, кино посмотрю чтобы’.
СП: ‘Я еду в город, чтобы посмотреть кино’.

Как показывают приведенные примеры ЦК, целевые клаузы в горномарийском языке могут присоединяться с помощью одного из двух целевых союзов: *manə̂n*, являющегося грамматикализованным конвербом от глагола *manaš* – ‘говорить’ (см. [Толдова, Сердобольская, 2014]) и *štobə̂*, заимствованного из русского языка. Хотя каких-либо семантических различий между этими синонимичными союзами обнаружено не было, их морфосинтаксические сочетаемостные свойства существенно различаются. Общее состоит в том, что оба союза могут присоединять как императивные, так и инфинитивные клаузы. Однако со стратегией непрошедшего времени (6a), (6b) сочетается только исконный союз *manə̂n*, а с перфектной стратегией (7a), (7b) – только заимствованный из русского *štobə̂* (табл. 1).

(6a) %*mən'* *tälät* *oksa-m* *pu-en-äm*
я ты.DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
tən' *šəšer-əm* *näl-ä-t* *manə̂n*
ты молоко-ACC купить-NPST-3SG PURP
БП: ‘Я тебе деньги дал, ты молоко купил чтобы’.
СП:‘Я дал тебе деньги, чтобы ты купил молока’.

(6b) **mən'* *tälät* *oksam* *pu-en-äm*
я ты.DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
štobə̂ *tən'* *šəšer-əm* *näl-ä-t*
чтобы ты молоко-ACC купить-NPST-3SG
Ожид. БП: ‘Тебе деньги дал, ты молоко купил чтобы’.
Ожид. СП: ‘Я дал тебе деньги, чтобы ты купил молока’.

(7a) %*mən'* *vas'a-lan* *oksa-m* *pu-en'-äm*
я Вася-DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
štobə̂ *tədə* *paj-ə̂m* *näl-ən*
чтобы он мясо-ACC купить-PRF[3SG]
БП: ‘Я Васе деньги дал, чтобы он мясо купил’.
СП: ‘Я дал Васе деньги, чтобы он купил мяса’.

(7b) **mən'* *vas'a-lan* *oksa-m* *pu-en'-äm*
я Вася-DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
[*tədə* *paj-ə̂m* *näl-ən* *manə̂n*]
он мясо-ACC купить-PRF[3SG] PURP
Ожид. БП: ‘Я Васе деньги дал, он мясо купил чтобы’.
Ожид. СП: ‘Я дал Васе деньги, чтобы он купил мяса’.

Таблица 1

Сочетаемость союзов с типами ЦК в горномарийском языке

Table 1

Purpose complementizers and dependent clause marking strategy in Hill Mari

Целевой союз	Тип целевой клаузы			
	инфинитивная	императивная	перфектная	непрошедшего времени
manə̂n	+	+	–	+
štobə̂	+	+	+	–

На наш взгляд, наблюдаемое несовпадение возможных условий употребления союзов не является следствием каких-либо специальных синтаксических свойств, присущих тому или иному из них. Причина этого явления кроется, вероятно, в диахронических и контактных изменениях горномарийского языка. Конструкция с глаголом в форме непрошедшего времени, судя по всему, является исчезающей, так как употребляется только некоторыми носителями старшего возраста. Этим и объясняется невозможность употребления недавно заимствованного русского союза *štobə̂* с архаичной конструкцией. Перфектная же конструкция сама, вероятно, является заимствованной из русского.

В пользу этой гипотезы говорит несколько фактов. Во-первых, конструкция встречается только в речи носителей младшего поколения. Во-вторых, как и русские финитные целевые клаузы, перфектные ЦК в горномарийском характерны для контекстов некореферентности субъектов. Кроме этого, независимое развитие такой стратегии кодирования зависимого предиката ЦК в горномарийском языке представляется маловероятным, ибо, как показано в работе [Schmidtke-Bode, 2009], с типологической точки зрения форма прошедшего времени нехарактерна для целевых конструкций. В русском языке морфологическое прошедшее время предиката ЦК обусловлено синтаксическими требованиями союза *чтобы*, который, в свою очередь, несет в себе семантику сослагательного наклонения (см., например, [Dobrushina, 2012]). Так, в примере (8) глагол в придаточном предложении хоть и стоит в форме прошедшего времени, в сочетании с союзом *чтобы* передает значение цели, расположенной в будущем относительно времени события, описываемого в главной клаузе (и точки отсчета).

(8) *Я дам Васе деньги, чтобы он купил мясо.*

Таким образом, морфологически прошедшее время в русских ЦК на самом деле передает семантику сослагательного наклонения, что типологически характерно для предиката ЦК (см. [Schmidtke-Bode, 2009]). В горномарийском же языке перфектные клаузы не имеют такого значения и, соответственно, типологически неожиданны в функции ЦК. Такая нехарактерная для ЦК стратегия может быть объяснена лишь фактом заимствования из русского, а именно тем, что на уровне паттерна употребления (PAT-borrowing в терминах J. Sakel [Sakel et al., 2007]) русское прошедшее время могло быть соотнесено с горномарийским перфектом: в обоих случаях в финитных ЦК используется форма прошедшего времени глагола. Кроме того, наша гипотеза о заимствовании перфектной стратегии кодирования предиката зависимой клаузы может объяснить и ее несочетаемость с союзом *manə̂n*.

Следует отметить, что даже в системах тех носителей, которые допускают оформление глагола ЦК непрошедшим временем или перфектом, эти стратегии, судя по всему, являются не вполне продуктивными. Таким образом, мы приходим к выводу, что два основных типа ЦК в горномарийском – это императивные и инфинитивные клаузы. При этом конструкции с глаголом в форме императива являются финитными (balanced в терминах L. Stassen [1985]). Их субъект оформляется номинативом и согласуется с глаголом.

В соответствии с типологическими ожиданиями (см. [Schmidtke-Bode, 2009]) такие ЦК ограничены контекстами некореферентности субъектов матричной и зависимой клауз (9).

(9) **amal-al-žə̂* *manə̂n* *tə̂də̂* *tokə̂štə̂* *tol-ə̂n*
спать-ATT-IMP.3SG PURP тот дом-ILL идти-PRF.[3SG]
Ожид.: ‘Он пришел домой, чтобы поспать’.

Что же касается инфинитивных клауз, то они демонстрируют ряд нефинитных свойств (к примеру, отсутствие глагольных согласовательных показателей) и характерны именно для зависимых контекстов, в то время как наиболее типичным (но не единственным) контекстом для ИЦК являются случаи кореферентности субъектов (10).

(10=1) *ər-äš* *manə̂n* *mən’* *plaš-əm* *č-iš*
согреться PURP я плащ-ACC надеть-PRF.1SG
БП: ‘Согреться чтобы, я плащ надел’.
СП: ‘Я надел плащ, чтобы согреться’.

Следует отметить, что субъект ИЦК, в отличие от субъекта инфинитивной клаузы в роли сентенциального актанта (11), может быть выражен на поверхностном уровне (12). Такой субъект маркируется дательным падежом.

(11) *mən'* *vas'ä-lan* [(****tədə-län*)** *ke-äš*] *keles-en-äm*
я Вася-DAT [(***тот-DAT)** уходить-INF] сказать-PRF-1SG
БП: ‘Я Васе (*ему) уйти сказал’.
СП: ‘Я сказал Васе уйти’.

(12) [(*tədə-län*) *paj-ə̂m* *näl-äš* *manə̂n*]
[(**тот-DAT)** мясо-ACC купить-INF PURP]
mən’ *vas’ä-lan* *oksa-m* *pu-en-äm*
я Вася-DAT деньги-ACC дать-PRF-1SG
БП: ‘Ему мясо купить чтобы, я Васе деньги дал’.
СП: ‘Я дал Васе деньги, чтобы он купил мясо’.

Клаузы с выраженным субъектом наиболее типичны в контекстах отсутствия антецедента зависимого субъекта в матричной клаузе.

(13) [*nənə̂-län* *susu* *li-äš* *manə̂n*]
[те-DAT радостный быть-INF PURP]
mən’ *šukə̂* *təmen-ä-m*
я много учиться-NPST-1SG
БП: ‘Им радостными быть чтобы, я много учусь’.
СП: ‘Чтобы они (родители) радовались, я много учусь’.

В рамках целей данного исследования нас, однако, в особенности интересуют контексты, допускающие опущение субъекта ИЦК. Это возможно при соблюдении одного из следующих условий:

(i) субъект ИЦК кореферентен субъекту матричной клаузы (10);

(ii) субъект ИЦК кореферентен реципиенту при дитранзитивном глаголе матричной клаузы (12);

(iii) субъект ИЦК кореферентен прямому объекту матричной клаузы и при этом предикат ИЦК является непереходным глаголом непроизвольного направленного изменения состояния, возникающего под воздействием факторов внешней среды, например: *ükšäš* ‘остыть’, *šolaš* ‘кипеть’, *šapaš* ‘киснуть’ и т. п.

(14) [_$_i$ *ükš-äš* *manə̂n*] [3]
[_$_i$ остыть-INF PURP]
mən' lem-əm$_i$ xolodil'nik-əš šənd-en-äm
я суп-ACC$_i$ холодильник-ILL ставить-PRF-1SG
БП: ‘Остыть чтобы, я суп в холодильник поставил’.
СП: ‘Чтобы суп остыл, я убрал его в холодильник’.

(15) *_$_i$ *pop-aš* *cärn-äš* *manə̂n*
_$_i$ говорить-INF перестать-INF PURP
vasä petä-m$_i$ šel-ən
В. П.-ACC$_i$ ударить-PRF[3SG]
Ожид. БП: ‘Говорить перестать чтобы, Вася Петю ударил’.
Ожид. СП:‘Вася ударил Петю, чтобы он (Петя) перестал говорить’.

В работе [Рахман, 2019] показано, что опущение субъекта в предложениях наподобие (14) грамматично в силу того, что такие субъекты изначально порождаются в позиции комплемента V (т. е. зависимый глагол является так называемым неаккузативным). Такое опущение имеет, однако, принципиально иную синтаксическую природу, чем аналогичное в предложениях (10) или (12), и, по всей видимости, является эллипсисом внутреннего аргумента. В рамках данного исследования мы хотели бы подробнее обсудить условие (iv), обеспечивающее грамматичность предложений наподобие (16), (17) и лишающее грамматичности предложения аналогичные (18).

(iv) Если субъект ИЦК кореферентен прямому объекту матричной клаузы (МК), а значение Цели [4] является при этом неотъемлемой частью семантики предиката МК и должно быть выражено с помощью ЦК либо восстановлено из контекста, то субъект ИЦК может опускаться.

(16) [PRO$_i$ *televizə̂r-ə̂m* *näl-äš* *manə̂n*]
[PRO$_i$ телевизор-ACC купить-INF PURP
mən' *vas'ä-m$_i$* *xala-š* *kolt-en-äm*
я Вася-ACC город-ILL послал-PRF-1SG
БП: ‘Телевизор купить чтобы, я Васю в город послал’.
СП: ‘Я послал Васю в город, чтобы он купил телевизор’.

(17) [PRO$_i$ *zadač-əm* *reš-äš* *manə̂n*]
[PRO$_i$ задача-ACC решить-INF PURP]
təmdəšə *mən-əm$_i$* *doska* *dokə̂* *lə̂kt-ə̂n*
учитель я-ACC$_i$ доска к вызвать-PRF[3SG]
БП: ‘Задачу решить чтобы, учитель меня к доске вызвал’.
СП: ‘Учитель вызвал меня к доске, чтобы я решил задачу’.

(18) *[PRO$_i$ *karang-aš* *manə̂n*] *mən'* *pi-m$_i$* *šel-ə-m*
[PRO$_i$ уйти-INF PURP] я собака-ACC$_i$ ударить-AOR-1SG
Ожид. БП: ‘Уйти чтобы, я собаку ударил’.
Ожид. СП: ‘Я ударил собаку, чтобы она ушла’.

[3] Символом ‘_’ здесь и далее обозначается некоторый нулевой элемент без уточнения его синтаксического характера (нулевое местоимение того или иного вида, эллиптированный аргумент и т. п.).

[4] Здесь и далее под семантической ролью Цели понимается именно логическая цель некоторого действия (Purpose, Objective), а не пространственная цель движения (Target, Direction).

Наша гипотеза состоит в том, что в примере (16) целевая клауза является семантическим аргументом матричного глагола *koltaš* ‘послать’. Разумно предположить, что в логическом отношении цель является неотъемлемой частью ситуации, выражаемой глаголами наподобие ‘посылать’: представляется логически маловероятным, чтобы кого-либо посылали куда-либо без какой-то конкретной цели. Следовательно, согласно условию (iv), субъект ИЦК, кореферентный объекту МК, может быть опущен.

Аналогично может быть проанализирован пример (17).

В примере же (18) в качестве предиката зависимой клаузы выступает глагол *šeläš* ‘ударить’. Разумеется, при таком глаголе агентивный участник может иметь в виду некоторую цель, которой он хотел бы достигнуть в конкретной ситуации взаимодействия, однако столь же возможной представляется ситуация физического воздействия (например, избиения) либо без какой-либо конкретной цели, либо с самым неопределенным общим намерением. Следовательно, опущение субъекта ИЦК в предложении (18) неграмматично.

В следующем разделе мы покажем, что такое разделение и основанный на нем синтаксический подход могут объяснить как само условие (iv), так и некоторые другие особенности синтаксиса горномарийских ИЦК (например, особенности употребления местоимений в ИЦК).

2. Адъюнктные и аргументные целевые клаузы. Возможная семантическая роль антецедента

Некоторые исследователи английского языка, например [Faraci, 1974; Bach, 1982], разделяют целевые конструкции на два класса, что непривычно для других лингвистических традиций. Во-первых, это собственно целевые клаузы (purpose clauses, PC). Такие клаузы присоединяются внутри VP и должны содержать нулевой аргумент, контролируемый матричным объектом. В качестве такого аргумента может выступать, в частности, нулевой субъект. Кроме того, собственно целевые клаузы не могут употребляться с союзом *in order* и налагают определенные лексические ограничения на матричный предикат. Так, в работе [Nissenbaum, 2005] утверждается, что PC могут присоединяться только к глаголам, имеющим в своей семантике компонент ‘результирующее состояние’. Второй же тип целевых конструкций – это так называемые клаузы обоснования (rationale clauses), иллюстрируемые ниже. Клаузы обоснования отличаются от первого типа тем, что присоединяются вне VP, не допускают нулевых аргументов (в том числе подлежащих), контролируемых матричным объектом, и могут выполнять адъюнктную функцию при любом предикате. Кроме того, они могут сочетаться с союзом *in order* [Nissenbaum, 2005]:

- клауза обоснования с выраженным зависимым субъектом

  (19a) *Max brought his cat here* [(*in order*) *for me to admire it*];

- собственно целевая клауза с выраженным зависимым субъектом

  (19b) Max_i *brought his* cat_j *here* [(**in order*) *for me to* $admire_i$];

- собственно целевая клауза с объектным контролем нулевого зависимого субъекта

  (19c) Max_i *brought his* cat_j *here* [(**in order* $__j$ *to sniff me*];

- клауза обоснования с субъектным контролем нулевого зависимого субъекта:

  (19d) Max_i *brought his* cat_j *here* [(*in order*) $__i$ *to annoy me*].

Для того чтобы объектный контроль был возможен, объект матричной клаузы обязан с-командовать [5] субъектом зависимой. Различные теории постулируют возможность для

[5] Узел A с-командует узлом B, если B – сестра A или потомок сестры A (см., например, [Chomsky, 1981]).

прямого объекта занимать разные позиции, но все эти позиции, тем не менее, находятся внутри VP. Один из классических способов анализа сентенциальных актантов с объектным контролем состоит в помещении прямого объекта матричной клаузы в позицию спецификатора VP, а сентенциального актанта – в позицию объекта V (см. например, [Landau, 2001]).

Предлагаемое нами разделение горномарийских целевых клауз на аргументные и адъюнктные имеет природу, схожую, по нашему мнению, с разделением английских целевых конструкций на собственно целевые клаузы и клаузы обоснования. Аргументные клаузы, будучи синтаксическими аргументами МК, занимают позицию сентенциального актанта, т. е. комплемента VP. Прямой же объект присоединяется в позиции спецификатора VP (рис. 1, *a*). Соответственно, прямой объект МК с-командует зависимым субъектом и может его контролировать. Адъюнктные же ИЦК присоединяются в некоторой адъюнктной позиции вне глагольной группы, что делает контроль объекта невозможным (рис. 1, *b*).

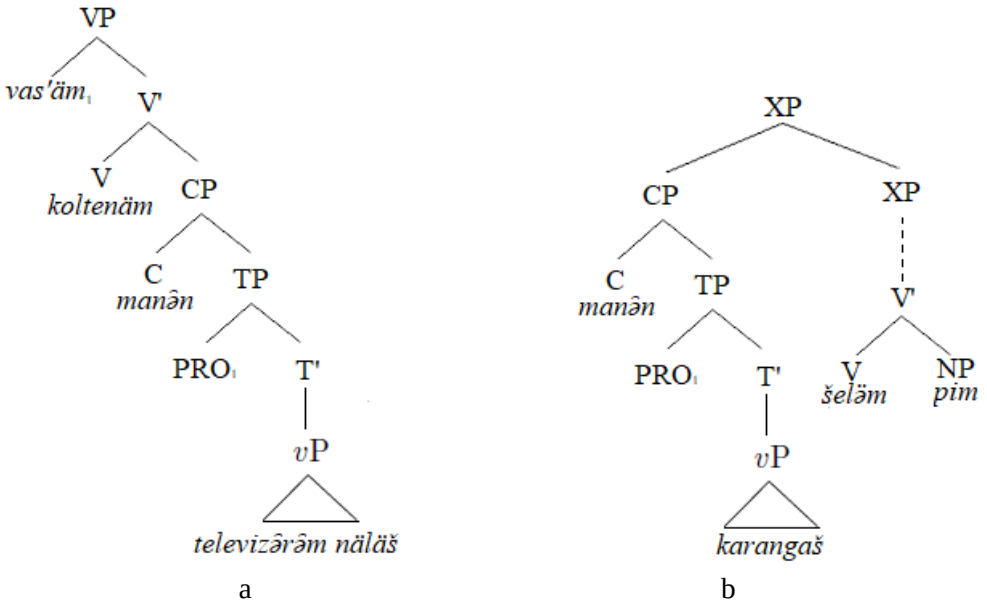

Рис. 1. Структура адъюнктных ЦК:
a – на примере предложения (16); *b* – на примере предложения (18)

Fig. 1. The structure of adjunct purpose constructions:
a – e.g. sentence (16); *b* – e.g. sentence (18)

Предлагаемая схема анализа позволяет предсказать следующие значимые особенности поведения прономиналов и неанафорических референциальных выражений в тех ИЦК, чей субъект кореферентен матричному объекту:

(20) в аргументных целевых клаузах использование референциального выражения, кореферентного объекту МК, в качестве подлежащего **невозможно** в силу принципа С-канонической теории связывания (см. [Chomsky, 1981]), так как субъект ИЦК связан в них прямым объектом МК;

(21) в аргументных целевых клаузах выражение подлежащего прономиналом *tədələn* (‘он-DAT’) или *nənələn* (‘они-DAT’) **возможно**. В этом случае прономинал с-командуется объектом МК, а значит, может А-связываться им (см., например, [Kratzer, Heim, 1998]), получая в результате свое значение;

(22) в адъюнктных целевых предложениях выражение подлежащего референциальным выражением **возможно**, так как субъект ИЦК **не** связан прямым дополнением МК;

(23) в адъюнктных целевых выражение подлежащего формами единственного и множественного числа местоимения *tədə* (‘он’) или *nənə* (‘они’) **невозможно**, так как такой прономинал не может получить свое значение ни с помощью кореференции (в силу препозитивности ИЦК), ни с помощью А-связывания, поскольку прямой объект МК не с-командует им.

Механизм допуска и исключения местоимений, моделируемый в (22) и (23), полностью реализуется в примерах (24) и (25) соответственно:

(24) ^{ok}*pet’ä-lan*$_i$ *pop-aš* *cärn-äš* *manân*
[Петя-DAT говорить-INF перестать-INF PURP]
vasä *tədə-m*$_i$ *šel-ən*
Вася-ACC тот-ACC ударил-PRF[3SG]
БП: ‘Пете говорить перестать чтобы, Вася его ударил’.
СП: ‘Вася ударил Петю, чтобы он (Петя) перестал говорить’.

(25) *tədə-län*$_{k/*j}$ *pop-aš* *cärn-äš* *manân*
Тот-DAT$_{k/*j}$ говорить-INF перестать-INF PURP
vas’ä$_i$ *pet’ä-m*$_j$ *šel-ən*
Вася$_i$ Петя-ACC$_j$ ударил-PRF[3SG]
БП: ‘Ему говорить перестать чтобы, Вася Петю ударил’.
*СП: ‘Вася ударил Петю, чтобы он (Петя) перестал говорить’.
СП: ‘Чтобы он (некто третий) перестал говорить, Вася Петю ударил’.

Однако теоретический прогноз о возможности / невозможности, сформулированный в (20) и (21), напротив, противоречит нашим данным:

(26) ^{ok}*erg-em-län* *universitet-əštə* *təmen-äš* *manân*
сын-POSS.1SG-DAT университет-IN учиться-INF PURP
mən' *tədə-m/erg-em-əm* *xala-š* *kolt-en-äm*
я тот-ACC/сын-POSS.1SG-ACC город-ILL послать-PRF-1SG
БП: ‘Моему сыну в университете учиться чтобы, я его / сына в город отправил’.
СП: ‘Я отправил сына в город, чтобы он (сын) учился в университете’.

(27) *ədər-em*$_i$ *poka* *ti-št=ok* *älä.*
Дочь-POSS.1SG$_i$ пока здесь-IN=EMPH быть-NPST.3[SG]
[*tədə-län*$_{i/*j}$ *universitet-əštə* *təmen-äš* *manân*]
[тот-DAT$_{i/*j}$ университет-IN] учиться-INF PURP
mən' *erg-em-əm*$_j$ *xala-š* *kolt-en-äm*
я сын-POSS.2SG-ACC$_j$ город-ILL послать-PRF-1SG
БП: Моя дочь пока здесь есть. Ей (ему) в университете учиться чтобы, я своего сына в город отправил.
*СП: ‘Дочь пока здесь остается. А сына, чтобы он учился в университете, я в город отправил.’
СП: ‘Дочь пока здесь остается. Чтобы она училась в университете, я отправил сына в город’ (*комментарий информанта:* документы оформлять, например).

Мы видим, что в примерах (24)–(27) все зависимые ИЦК у всех матричных предикатов проявляют свойства, теоретически ожидаемые от адъюнктных ИЦК, т. е. свойства, обусловленные позицией вне VP.

Это противоречит предлагаемой нами теории, согласно которой вести себя подобным образом должны только предложения (24), (25). Предложения же (26), (27) демонстрируют возможность объектного контроля (см. (16), (17)), а значит, должны присоединяться внутри VP, что, в свою очередь, должно исключать наблюдаемые паттерны употребления прономиналов и референциальных выражений (26), (27).

Данное противоречие может быть разрешено с помощью следующего постулата: в горномарийском языке, в отличие от английского, ИЦК с нулевым субъектом и ИЦК с выраженным дативным субъектом представляют собой два различных типа целевых конструкций. ИЦК первого типа – ИЦК с нулевым субъектом – демонстрируют обязательный контроль подлежащего и могут быть присоединены как в аргументной позиции комплемента VP, так и в некоторой адъюнктной позиции выше VP. Клаузы же с выраженным дативным субъектом не демонстрируют никакого контроля вовсе и могут присоединяться только в адъюнктной позиции. Это предположение может быть коротко переформулировано следующим образом:

(28) в горномарийском языке субъект ИЦК может быть выражен только в том случае, когда ИЦК занимает адъюнктную позицию.

Данное предположение дает возможность объяснить причину несоответствия примеров (26) и (27) предсказаниям (20) и (21), а именно: примерах (26) и (27) подлежащее ИЦК выражено на поверхностном уровне, что автоматически относит их к категории адъюнктных клауз. Соответственно, сформулированные для аргументных клауз предположения (20) и (21) для них не верны, а верны противоположные им (22) и (23), сделанные для адъюнктных.

Кроме того, введение условия (28) позволяет развить аналогию между контрастивным противопоставлением целевых конструкций в горномарийском и английском языках. В английском языке собственно целевая клауза, соответствующая аргументным ИЦК в горномарийском, обязана содержать нулевой элемент, связанный матричным объектом. В отсутствие такого элемента придаточная клауза интерпретируется как клауза обоснования (rationale clause). Не исключено, что условие (28) является частным случаем некоего аналогичного ограничения, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Существует и другое косвенное свидетельство в пользу схемы анализа на основе условия (28). Дело в том, что в горномарийском языке инфинитивные сентенциальные актанты не допускают поверхностного выражения субъекта:

(29) *mən'* *vas'ä-lan* [(***tədə-län***) *ke-äš*] *keles-en-äm*
я Вася-DAT [(***тот-DAT**) уходить-INF] сказать-PRF-1SG
БП: ‘Я Васе (*ему) уходить сказал’.
СП: ‘Я сказал Васе уйти’.

Это явление также может быть объяснено условием (28): сентенциальные актанты занимают аргументную позицию и, следовательно, не могут выражать свой субъект на поверхностном уровне предложения.

3. Адъюнктные ИЦК и структура дитранзитивных глаголов

Интерес также представляет вопрос о точной структурной позиции адъюнктных ИЦК. Как было показано выше, субъект адъюнктных ИЦК может контролироваться непрямым матричным объектом.

(30=12) [PRO_i *paj-ə̂m* *näl-äš* *manə̂n*]
[PRO_i мясо-ACC купить-INF PURP]
mən' *vas'ä-lan*$_i$ *oksa-m* *pu-en-äm*
я Вася-DAT_i деньги-ACC дать-PRF-1SG
БП: ‘Мясо купить чтобы, я Васе деньги дал’.
СП: ‘Я дал Васе деньги, чтобы он купил мясо’.

Соответственно, непрямой объект матричной клаузы должен с-командовать зависимым субъектом. Как показывают особенности употребления анафорических местоимений, в горномарийском языке непрямой объект с-командует прямым: непрямой объект может связывать рефлексивное местоимение в позиции прямого объекта (31а), в то время как обратное

невозможно (31b). Следовательно, позиция, в которой субъект адъюнктной ИЦК мог бы связываться матричным непрямым объектом, но не мог бы прямым, теоретически возможна.

(31a) *mən'*$_i$ *vas'ä-lan*$_j$ *fotografi-štə*
Я$_i$ Вася-DAT$_j$ фотография-IN
škəm-žə-m$_{i/j}$ *anžəkt-en-äm*
REFL-POSS.3SG-ACC$_{i/j}$ показать-PRF-1SG
БП: ‘Я Васе на фотографии себя показал’.
СП:‘Я показал Васе его (Васю) на фотографии’.

(31b) *mən'*$_i$ *vas'ä-m*$_j$
Я$_i$ Вася-ACC$_j$
škə-lan-žə$_{i/*j}$ *fotografi-štə* *anžəkt-en-äm*
REFL-DAT-POSS.3SG$_{i/*j}$ фотография-IN показать-PRF-1SG
БП: ‘Я Васю себе на фотографии показал’.
СП: ‘Я показал Васе себя на фотографии’.
*СП: ‘Я показал Васе его (Васю) на фотографии’.

Далее мы рассмотрим возможные места присоединения адъюнктной ИЦК для каждой из структур, исходя из распространенной в минимализме идеи о том, что адъюнкты могут присоединяться только к максимальным проекциям (см., например, [Chomsky, 1986]).

Существующие подходы к концептуальному описанию структуры дитранзитивных конструкций могут быть условно разделены на три группы (см. подробный обзор в [Citko et al., 2017]). Некоторые исследования (например, [Larson, 1988]) постулируют позицию SpecVP в качестве места присоединения непрямого объекта. Такие структуры не допускают позиции с необходимыми нам свойствами: адъюнкт VP не с-командовался бы ни прямым, ни непрямым объектом (рис. 2, *a*).

Согласно ряду других работ, прямой и непрямой объекты при помощи некоторого дополнительного предиката формируют так называемую малую клаузу, вложенную внутрь глагольной группы [Harley, 2002; Beck, Johnson, 2004]. В этом случае, аналогично предыдущему, адъюнкт малой клаузы (как и адъюнкт VP) находился бы выше как прямого, так и непрямого объекта (рис. 2, *b*).

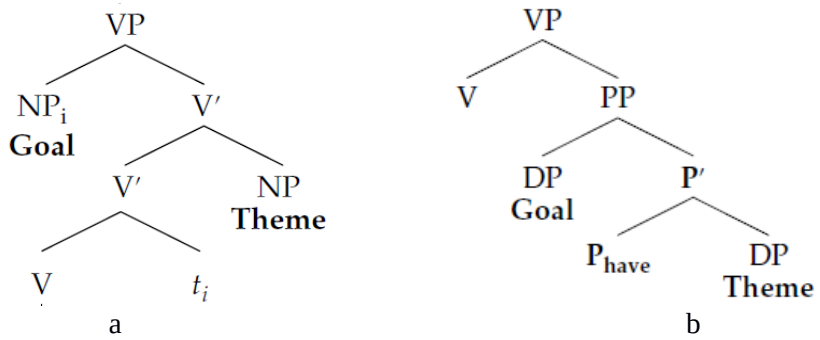

Рис. 2. Структура дитранзитивной глагольной группы:
a – по [Larson, 1988]; *b* – по [Harley, 2002]
Fig. 2. The structure of ditransitive VP according:
a – to [Larson, 1988]; *b* – to [Harley, 2002]

Наконец, существуют модели [Marantz, 1991; Pylkkänen, 2008], вводящие специальную аппликативную вершину Appl, позицию спецификатора которой и занимает непрямой объект (рис. 3). При этом, как показано в [Pylkkänen, 2008], в некоторых языках эта вершина распо-

ложена внутри глагольной группы, а в некоторых – вне нее (в таком случае глагольная группа является ее комплементом).

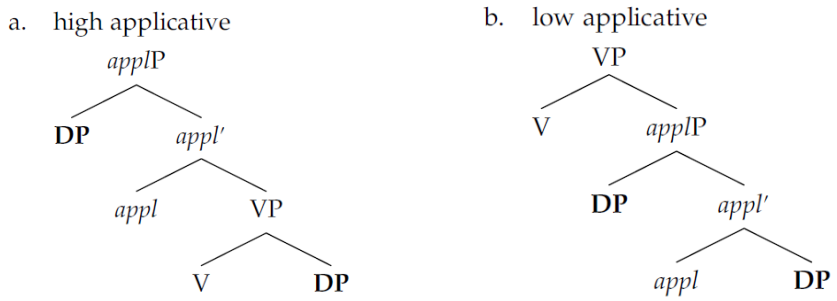

Рис. 3. Структура дитранзитивной глагольной группы по [Pylkkänen, 2008]:
a – с «высоким» аппликативом; *b* – «низким» аппликативом
Fig. 3. The structure of ditransitive VP according to [Pylkkänen, 2008]:
a – with “high” applicative; *b* – with “low” applicative

В случае аппликативной группы, расположенной внутри VP, как и при двух предыдущих подходах (см. [Larson, 1988; Harley, 2002]), отношения между прямым и непрямым объектами оказываются слишком локальными. Структура «высокого» аппликатива теоретически допускает, однако, существование позиции глагольного адъюнкта ниже позиции непрямого объекта, но выше прямого. Эта позиция представляет собой адъюнкт VP (рис. 4). Структура предложения (32), соответственно, приобретает такой вид:

(32=13) [*nənə̈-län* *susu* *li-äš* *manə̂n*]
[те-DAT радостный быть-INF PURP]
mən’ *šukə̂* *tə̈men-ä-m*
я много учиться-NPST-1SG
БП: ‘Им радостными быть чтобы, я много учусь’.
СП: ‘Чтобы они (родители) радовались, я много учусь’.

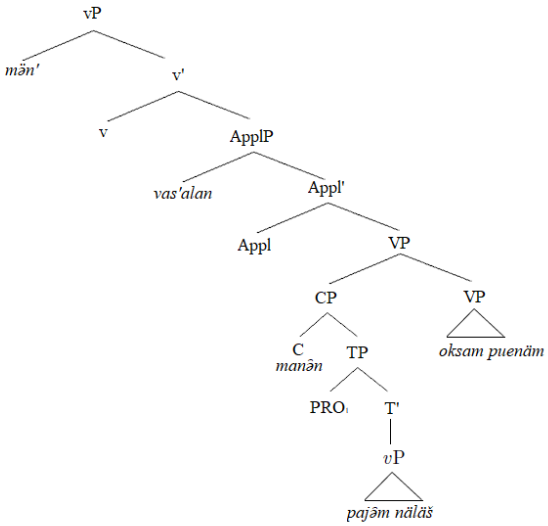

Рис. 4. Адъюнктная целевая клауза при дитранзитивном глаголе в горномарийском языке
Fig. 4. Ditransitive matrix verb and adjunct purpose construction in Hill Mari

Таким образом, только анализ, использующий «высокую» аппликативную группу, может адекватно описать наблюдаемые особенности референции субъекта ИЦК в горномарийском языке. Мы полагаем, что это наблюдение может послужить отправной точкой для дальнейшего развития теории структуры дитранзитивных глаголов.

Заключение

В рамках данного исследования были выявлены и кратко описаны различные целевые конструкции в горномарийском языке. Утверждается существование только двух основных стратегий оформления зависимых клауз: императивной, клаузы которой по своим свойствам, судя по всему, более или менее совпадают с аналогичными им независимыми предложениями; и инфинитивной.

Последняя, как было показано, представляет особый теоретический интерес в силу некоторых нетривиальных свойств выражения и функционирования субъекта. Во-первых, такой субъект может быть как опущен, так и выражен на поверхностном уровне (причем в последнем случае он несет на себе показатель дательного падежа). Во-вторых, в случае опущения он обязательно контролируется аргументом матричной клаузы, причем если субъектный контроль и контроль непрямым объектом возможны всегда, то прямообъектный контроль допускается только при матричных предикатах, требующих выражения семантики Цели. Такой эффект может быть объяснен особой синтаксической структурой целевых клауз с объектным контролем, отражающей их аргументный статус. Согласно этому подходу к анализу их функционирования, основанному на некоторой близости между системой горномарийских целевых клауз и системой целевых конструкций в английском языке, ИЦК, допускающие объектный контроль, присоединяются в позиции комплемента глагола. ИЦК же при матричных глаголах, не допускающих объектного контроля, присоединяются в некоторой адъюнктной позиции вне глагольной группы. При этом особенности употребления прономиналов и неместоименных референциальных выражений в качестве выраженных субъектов ИЦК показывают, что поверхностное выражение субъекта возможно только в адъюнктных ИЦК, что, опять же, «роднит» их с английскими клаузами обоснования (Rationale Clauses).

Кроме того, анализ данных горномарийских целевых клауз в свете различных теорий дитранзитивных глаголов позволяет сформулировать новое утверждение: тот факт, что субъект адъюнктных ИЦК может контролироваться непрямым матричным объектом, но не может контролироваться прямым, свидетельствует, по всей видимости, о том, что для присоединения непрямых объектов в горномарийском языке используется высокая аппликативная вершина в терминах L. Pylkkänen [2008].

Список сокращений

БП	–	буквальный (пословный) перевод
ИЦК	–	инфинитивная целевая клауза
МК	–	матричная клауза
Ожид.	–	ожидаемый перевод
СП	–	смысловой перевод
ЦК	–	целевая клауза
1	–	первое лицо
2	–	второе лицо
3	–	третье лицо
*	–	высказывание / трактовка неграмматично(а)
%	–	грамматичность высказывания признается лишь частью носителей
_	–	не имеющий поверхностного выражения элемент с неуточненным синтаксическим статусом

ACC	–	винительный падеж
AOR	–	аорист
APPL	–	аппликативная вершина
ATT	–	аттенуатив
DAT	–	дательный падеж
EMPH	–	эмфатическая частица
IMP	–	повелительное наклонение
IN	–	инессив
INF	–	инфинитив
i, j, k	–	референциальные индексы
ILL	–	иллатив
NPST	–	непрошедшее время
ok	–	высказывание грамматично
PL	–	множественное число
POSS	–	согласование имени с посессором
PC	–	собственно целевые клаузы (Purpose clauses в терминологии R. A. Faraci (1974))
PRO	–	нулевое подлежащее нефинитной клаузы
PRF	–	перфект
PURP	–	целевой союз
RC	–	клаузы обоснования (Rationale clauses в терминологии R. A. Faraci (1974))
REFL	–	возвратное местоимение
SG	–	единственное число
Spec	–	спецификатор
V	–	глагольная вершина
VP	–	глагольная группа

Список литературы

Голосов Ф. В., Козлов А. А. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. 2018. Т. 14, № 2. С. 154–195.

Рахман Д. М. Нулевой субъект целевых клауз и эллипсис аргумента в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. 2019. Т. 2, № 15. С. 213–229.

Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка // Bibliotheca Ceremissica. Savariae: Berzsenyi Daniel Foiskola, 2002. Т. 5. 292 с.

Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации // Вопросы языкознания. 2014. №. 6. С. 66–91.

Bach, E. Purpose clauses and control. In: The nature of syntactic representation. Dordrecht, Springer, 1982, p. 35–57.

Beck, S., Johnson, K. Double objects again. *Linguistic Inquiry*, 2004, vol. 35, no. 1, p. 97-123.

Chomsky, N. Barriers. Cambridge, MA: MIT Press, 1986, 113 p.

Chomsky, N. Lectures on government and binding. Dordrecht, Foris, 1981, 383 p.

Citko, B., Embley, Emonds J., Whitney, R. Double Object Constructions. 2nd ed. The Wiley Blackwell Companion to Syntax, 2017, p. 1–46.

Dobrushina, N. Subjunctive complement clauses in Russian. *Russian Linguistics*, 2012, vol. 36, no. 2, p. 121–156.

Faraci, R. A. Aspects of the grammar of infinitives and for-phrases. PhD Diss. Cambridge, MIT Press, 1974, 214 p.

Firth, J. R. Linguistic analysis and translation. In: For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Mouton, 1956, p. 1952–59.

Harley, H. Possession and the double object construction. *Linguistic variation yearbook*, 2002, vol. 2, no. 1, p. 31–70.

Kratzer, A., Heim, I. Semantics in generative grammar. Oxford, Blackwell, 1998, vol. 1185.

Landau, I. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Springer Science & Business Media, 2001, vol. 51, 212 p.

Larson, R. K. On the double object construction. *Linguistic Inquiry*, 1988, vol. 19, no. 3, p. 335–391.

Marantz, A. Implications of asymmetries in double object constructions. In: Theoretical aspects of Bantu grammar. CSLI, 1993, p. 113–150.

Nissenbaum, J. States, events and VP structure: evidence from purposive adjuncts. In: Proc. of Conf. NELS36, 2005.

Pylkkänen, L. Introducing arguments. MIT Press, 2008, vol. 49, 156 p.

Sakel, J. et al. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*, 2007, vol. 15, p. 15–29.

Schmidtke-Bode, K. A typology of purpose clauses. In: Typological Studies in Language. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2009, vol. 88, 229 p.

Stassen, L. Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985, 380 p.

References

Bach, E. Purpose clauses and control. In: The nature of syntactic representation. Dordrecht, Springer, 1982, p. 35–57.

Beck, S., Johnson, K. Double objects again. *Linguistic Inquiry*, 2004, vol. 35, no. 1, p. 97-123.

Chomsky, N. Barriers. Cambridge, MA: MIT Press, 1986, 113 p.

Chomsky, N. Lectures on government and binding. Dordrecht, Foris, 1981, 383 p.

Citko, B., Embley, Emonds J., Whitney, R. Double Object Constructions. 2nd ed. The Wiley Blackwell Companion to Syntax, 2017, p. 1–46.

Dobrushina, N. Subjunctive complement clauses in Russian. *Russian Linguistics*, 2012, vol. 36, no. 2, p. 121–156.

Faraci, R. A. Aspects of the grammar of infinitives and for-phrases. PhD Diss. Cambridge, MIT Press, 1974, 214 p.

Firth, J. R. Linguistic analysis and translation. In: For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Mouton, 1956, p. 1952–59.

Golosov, F. V., Kozlov, A. A. Observer in the system of past tenses in Hill Mari. *Acta Linguistica Petropolitana. Papers of Institute of Linguistic Studies*, 2018, vol. 14, no. 2, p. 154–195. (in Russ.)

Harley, H. Possession and the double object construction. *Linguistic variation yearbook*, 2002, vol. 2, no. 1, p. 31–70.

Kratzer, A., Heim, I. Semantics in generative grammar. Oxford, Blackwell, 1998, vol. 1185.

Landau, I. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions. Springer Science & Business Media, 2001, vol. 51, 212 p.

Larson, R. K. On the double object construction. *Linguistic Inquiry*, 1988, vol. 19, no. 3, p. 335–391.

Marantz, A. Implications of asymmetries in double object constructions. In: Theoretical aspects of Bantu grammar. CSLI, 1993, p. 113–150.

Nissenbaum, J. States, events and VP structure: evidence from purposive adjuncts. In: Proc. of Conf. NELS36, 2005.

Pylkkänen, L. Introducing arguments. MIT Press, 2008, vol. 49, 156 p.

Rakhman, D. M. Null Subject of Purpose Clauses and Argument Ellipsis in Hill Mari. *Acta Linguistica Petropolitana. Papers of Institute of Linguistic Studies*, 2019, vol. 15, no. 2, p. 213-229. (in Russ.)

Sakel, J., et al. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*, 2007, vol. 15, p. 15–29.

Savatkova, A. A. Hill Mari language. In: Bibliotheca Ceremissica. Savariae, Berzsenyi Daniel Foiskola, 2002, t. 5, 292 p.

Schmidtke-Bode, K. A typology of purpose clauses. In: Typological Studies in Language. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2009, vol. 88, 229 p.

Stassen, L. Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985, 380 p.

Toldova, S. Yu., Serdobolskaya, N. V. Verb of speech *manaš* in Mari: specifics of grammaticalization. *Voprosy yazykoznanya* [*Topics in the study of language*], 2014, no. 6, p. 66–91. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
07.11.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Рахман Денис Михайлович, ассистент и стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Denis M. Rakhman, Assistant Professor and Junior Researcher, HSE University (Moscow, Russian Federation)

drahman2@mail.ru
ORCID 0000-0001-7048-8708